

ВЛАДИМИР МАУ

революция

МЕХАНИЗМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ
И ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛЬНЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Владимир Мау

**Революция. Механизмы,
предпосылки и последствия
радикальных общественных
трансформаций**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2017

УДК 321.7
ББК 66.0

Мау В. А.

Революция. Механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций / В. А. Мау — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2017

ISBN 978-5-93255-511-8

Настоящая книга посвящена проблемам теории и истории великих революций. На базе анализа английской (XVII в.), французской (рубежа XVIII–XIX вв.) и русской (начала XX в.) революций выявляются закономерности, конституирующие элементы радикальных общественных трансформаций. Основываясь на результатах сравнительных исследований революций прошлого, автор обосновывает тезис о специфическом, революционном характере посткоммунистической трансформации России. Особое внимание в книге уделяется российскому опыту коренных трансформаций, приходящихся на начало и конец XX столетия, что вполне естественно в год столетнего юбилея Русской революции 1917 г. Книга предназначена для историков, экономистов, социологов, для всех тех, кто интересуется проблемами социально-экономических преобразований. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 321.7

ББК 66.0

ISBN 978-5-93255-511-8

© Мау В. А., 2017

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2017

Содержание

Введение	6
Раздел I	13
Глава 1	13
Глава 2	16
Глава 3	19
3.1. Фазы экономического кризиса революции	19
3.2. Основные элементы экономического кризиса революции: общее и особенное	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Мау
Революция: механизмы, предпосылки
и последствия радикальных
общественных трансформаций

© В. А. Мау, 2017

© Издательство Института Гайдара, 2017

Введение

Тезисы о революции

1. Понятие революции

Революция представляет собой механизм радикальной, системной трансформации всех сторон жизни общества (страны) в условиях слабого (рухнувшего) государства. Известны случаи радикальной трансформации при сохранении государства (реставрация Мэйдзи, большинство посткоммунистических трансформаций Центральной и Восточной Европы, постсоветских республик Центральной Азии). Возможен крах государства без системной трансформации (например, современная Ливия). Полномасштабная революция предполагает наложение двух названных обстоятельств, и именно они оказываются конституирующими для такой революции.

Понятие «революция» не является в современной науке строгим.

Исторически термин «революция» вошел в политическую жизнь (и политическую дискуссию) не для обозначения процесса как радикального, а для характеристики процесса неотвратимого – по аналогии с названием известной книги Коперника «*De Revolutionibus Orbium Coelestium*», в которой речь шла о постоянном движении небесных сфер. Во всяком случае, именно такой смысл приписывают словам герцога Франсуа Ларошфуко-Лианкура, обращенным к Людовику XVI¹.

Помимо полномасштабных революций известны и другие виды революций, включая оборванные (или незавершенные), политические и др. Они не являются предметом обсуждения в настоящей книге.

2. Революция и насилие

Революция не может определяться и через насилие. Насилие играет значимую роль в революциях, однако было бы неверным говорить, что в революцию непременно должно происходить обострение насилия. Уровень насилия зависит от многих факторов и особенно от уровня благосостояния общества. Естественно, что в стране с преобладанием бедного крестьянского населения уровень насилия будет при прочих равных условиях выше, чем в стране, большинство жителей которой являются зажиточными горожанами.

3. Разрыв и непрерывность в условиях революции

Революция представляет собой разрыв естественного хода событий. Это шок, который многие предсказывают, но которого никто не ожидает. Говорят, что кризис случается позже, чем его прогнозируют, но раньше, чем его ожидают. Этот своеобразный закон более чем уместен при анализе предреволюционной эпохи и начала революции.

¹ Поздно вечером 14 июля 1789 года герцог де Лианкур, обладавший правом в любое время входить к Его Величеству, разбудил задремавшего короля и сообщил ему о взятии Бастилии. «Но это же бунт!» – воскликнул изумленный Людовик. «Сир, – ответил Лианкур, – это не бунт, это революция» («*Mais c'est donc une révolte? – s'écriait Louis XVI effrayé de l'agitation du peuple. – Non, sire, fit gravement le duc; c'est une révolution!*») (*Мишель Ф.* История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М.: ГПИБР, 2006. С. 20).

Вместе с тем революция при всей ее внешней радикальности не просто полностью порывает со старым. Ситуация оказывается более сложной.

Во-первых, многие элементы новой системы (модели) зарождаются уже при «старом режиме» и получают развитие в послереволюционной стране. Эволюция институтов – это достаточно сложный процесс (например, централизация и госрегулирование в начале XX века или рыночная модель в конце XX века).

Во-вторых, возникающий в результате революции режим может реализовывать довольно консервативные идеи, хотя и в новых формах. Это естественно, поскольку в революциях одной из активных действующих сил выступают небогатые классы (слои) населения, несущие значительный запас консервативной идеологии (крестьяне в 1917 году, работники ВПК в 1980-е годы). Они являются мощной движущей силой революции, но они же несут с собой архаику, которая дает о себе знать в ходе революции и особенно в постреволюционной системе – к немалому изумлению выживших революционеров.

В-третьих, ряд консервативных идей и институтов может быть использован для решения новых экономических и политических задач. В качестве примеров большевистской системы – восстановление империи в форме СССР, фактическое восстановление крестьянской общины с ее коллективной порукой и перераспределительными фискальными механизмами в форме колхозов. Именно поэтому вовремя сориентировавшиеся бенефициары старого режима могут неплохо вписаться в постреволюционную эпоху – в отличие от «пламенных революционеров».

4. Уровень экономического развития и революции

Революции нового времени происходили в странах сопоставимого уровня среднедушевого ВВП – около 1200–1400 долларов 1990 года (см. таблицу, где представлены расчеты А. Мэддисона). Похоже, что именно в этот период процессы социальной динамики настолько активизировались, что могли выйти из-под контроля элиты (власти) и привести к разрушению существующих государственных институтов. Таким образом, применительно к аграрному обществу можно говорить о наличии некоторого исторически и экономически обусловленного этапа, когда риск революции повышается.

Вместе с тем некоторые страны оказывались способными провести назревшие преобразования под контролем элиты и при сохранении государства. Как правило, это происходило на уровне среднедушевого ВВП, который был существенно ниже «уровня начала революции».

5. Крах государства как конституирующая характеристика революции

Крах государства проистекает из раскола общества, основных социальных и политических сил по вопросу о базовых ценностях и ориентирах развития страны. Этот крах является одновременно и крахом (банкротством) национальной элиты, поскольку именно элита должна направлять общественные силы по пути прогресса, обеспечивая одновременно социально-политическую устойчивость.

ТАБЛИЦА. Уровень ВВП на душу населения в периоды революций

Страна	Год начала революции	ВВП на душу населения, долл. США 1990 г.	Примечания
Англия	1640	Близко к 1200	
США	1774	1820 г.: 1287	Война за независимость
Франция	1789	1820 г.: 1218	
Германия	1848	1850 г.: 1476	
Япония	1868	1885 г.: 818	Революция сверху
Россия	1905	1900 г.: 1218	
Мексика	1911	1913 г.: 1467	
Россия	1917	1913 г.: 1488	
Турция	1923	1922 г.: 561	Революция сверху
Китай	1911–1949	1950 г.: 614	В послереволюционный период не удалось перейти к устойчивому экономическому росту

Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995; Стародубровская И., Мау В. Великие революции... Гл. 3.*

Накануне революции в элите наблюдаются сильные дезинтеграционные процессы, и верхние слои общества превращаются в сложную мозаику социальных групп с разнообразными и противоречивыми интересами: экономически сильные социальные группы, не имеющие доступа в элиту; «новички», не до конца признанные традиционной элитой (которая также изначально внутренне неоднородна), но, в свою очередь, стремящиеся не допустить ее дальнейшего расширения; преуспевающая часть традиционной элиты; разоряющаяся часть традиционной элиты и т. п.

6. Стихийность революционного процесса

Крах государства предопределяет доминирование элемента стихийности в разворачивании революционного процесса. Это менее управляемый период нежели «мирное время».

7. Стихийность и закономерность революционного процесса

Усиление стихийности обуславливает наличие некоторых закономерностей революции, которые имеют объективный характер².

Можно выделить следующие общие характеристики (закономерности) революционных трансформаций.

1) Системное и глубокое преобразование всех сторон жизни общества (комплексный характер преобразований).

2) Революция является продуктом развития внутренних сил данной страны. Именно поэтому революция не может быть навязана извне. Хотя внешний фактор нередко играет определенную роль – как катализатора революции, так и барьера на пути ее развития.

3) Наличие определенных фаз (этапов) революции.

4) Крах государства и сохранение слабого государства на протяжении революции.

5) Революционный экономический кризис как особый экономико-политический феномен.

6) Политический характер экономических процессов, прежде всего инфляции и преобразования отношений собственности.

8. Фазы революционной трансформации

Наличие фаз полномасштабной революции – одно из основных проявлений закономерностей революции.

Таковыми фазами являются:

1) «Розовый период» революции, когда все общество кажется единым в противостоянии старому режиму. Эта иллюзия единства становится, в частности, причиной принятия экономически необоснованных (по сути, популистских) решений, которые приводят к резкому усугублению экономического кризиса.

2) Поляризация, когда становится очевидно, что разные социальные силы (группы интересов) имеют не просто различные, а подчас противоположные представления о конечных целях революции. Начинаются продолжающиеся на всех дальнейших этапах попытки остановить революцию на той или иной ее стадии.

3) Радикальная фаза, на которой преобразования проходят точку невозврата.

4) Термидор, то есть начало торможения революции и появление контуров новой, постреволюционной нормальности.

5) Иногда в перечень фаз революции включают реставрацию. Однако это уже тот этап, который, очевидно, выходит за рамки собственно революционного цикла.

9. Экономические закономерности революции

К ним относятся следующие.

1) Наличие революционного экономического кризиса, связанного по крайней мере с двумя обстоятельствами:

– предреволюционным экономическим кризисом, который может дать толчок краху государства и разворачиванию революции;

² Анализ закономерностей революции подробно рассматривается в: *Crane B. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition.* N. Y.: Vintage Books, 1965; *Стародубовская И., Мау В. Великие революции...*

– деятельностью ранних революционных правительств, как правило усугубляющей ситуацию и ведущей к обострению экономического кризиса.

2) Демонетизация ВВП, которая может проявляться в двух формах. В мире бумажно-денежного обращения демонетизация реализуется через инфляцию. В условиях доминирования металлических денег происходят тезаврация монет и, естественно, «денежный голод».

3) Бюджетный кризис, обусловленный политическим кризисом. Слабое государство не может сбалансировать доходы и расходы, постоянно лавируя и пытаясь купить себе поддержку. Завершение революции завершает и бюджетный кризис.

4) Соответственно, дефолт оказывается неизбежным феноменом как акт преодоления бюджетного кризиса и завершения революции. Дефолт происходит с учетом политических возможностей государства (отказ платить тем, кому новая власть может себе позволить не платить).

Дефолт, как это ни парадоксально, становится показателем укрепления власти, восстановления контроля государства над политическими, экономическими и социальными процессами.

Примеры можно найти во всех революциях – отказ Кромвеля платить голландским банкирам, «банкротство двух третей» во Франции, отказ большевиков платить по царским долгам, финансовый кризис 1998 года в России.

5) Инфляция – политический феномен, отражающий соотношение политических сил и доступность для правительства иных финансовых ресурсов, помимо печатного станка.

6) Перераспределение собственности также является политическим феноменом, выступая прежде всего инструментом покупки поддержки революции и выживания революционных правительств (не только политического выживания, но подчас и физического). В условиях революции политическая задача перераспределения собственности доминирует над решением задач фискальной (обеспечение устойчивости бюджета) и экономической (появление эффективного собственника).

Революции могут задействовать обе возможные формы перераспределения собственности – и национализацию, и приватизацию.

7) Политическая неопределенность обуславливает рост транзакционных издержек в период революции.

10. Постреволюционная стабилизация

1) Термидор, названный так по месяцу революционного календаря, в который было свергнуто якобинское правительство во Франции, а его лидеры казнены (27 июля 1794 года или 9 термидора II года по республиканскому календарю), стал специальным термином для обозначения фазы начала спада революционной активности. Это момент поражения радикалов, хотя многие из них продолжают оставаться у власти.

2) Преодоление бюджетного кризиса – еще одна важная характеристика завершающей фазы революции. Разумеется, бюджетные кризисы могут повторяться и в будущем, но тогда они уже не будут связаны с логикой революционной трансформации.

3) Полномасштабная революция оказывает долгосрочное воздействие на политические процессы. Как правило, в странах, прошедших через полномасштабные революции, на протяжении примерно столетия с интервалом 15–20 лет происходили серьезные политические конфликты, существенно менявшие характер власти. Наиболее ярко это проявилось во Франции, которая прошла через реставрацию 1814 года, июльскую революцию 1830 года, революцию 1848 года с последующим установлением Второй империи, Парижскую коммуну и установление Третьей республики в 1871 году. В более мягкой форме подобные процессы происходили в Англии XVII–XVIII веков.

В истории такие процессы иногда тоже назывались революциями, хотя и не являлись полномасштабными трансформациями. Скорее, речь должна идти о политических революциях, в результате которых происходит модернизация социально-политической модели. Такие модернизации характерны для обществ в условиях современного экономического роста, однако уязвимость политических режимов постреволюционных стран делает более вероятной адаптацию к новым вызовам не через мирное развитие законодательства, а путем государственного переворота.

11. Революция не является неременным средством разрешения противоречий, накопившихся в данном обществе

Соответственно революция – это не способ достижения какой-то цели («цели революции»), а механизм разрешения противоречий. Механизм радикальный, но не необходимый и отнюдь не самый эффективный. Можно сказать, что революция не телеологична, хотя и казуальна, то есть является результатом определенной логики событий.

12. Опыт революций в ходе революций

Компромиссы в революциях практически исключены. Однако революции и революционеры учатся на опыте прошлых революций и революционеров. Более того, учет опыта предшественников позволяет существенным образом корректировать ход революции.

Участники Российской революции 1917 года с самого начала в своем анализе хода событий и в дискуссиях активно опирались на опыт Французской революции. Это касается и перспектив радикальной фазы («якобинства»), и перспектив отката революции («термидора»). Причем и та и другая фаза рассматривались одновременно и как угроза, и как надежда – в зависимости от политической позиции участников событий.

Уже в июне-июле 1917 года развернулась дискуссия о перспективах возникновения якобинской диктатуры в России. Правые, естественно, стремились не допустить реализации подобного сценария. О возможности развития событий по пути «якобинского эксперимента» писал в газете «Речь» лидер кадетов П. Н. Милюков, который, отождествляя якобинство с террором, видел в этом деградацию революции. Эта тема была немедленно подхвачена на крайнем левом фланге В. И. Лениным, который, естественно, дал якобинству прямо противоположную оценку, охарактеризовав его как «один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение»³. Иными словами, большевики изначально считали себя современными якобинцами – и готовы были сыграть эту роль.

Из такого понимания своей роли вытекает и то, что термидор всегда был для большевиков кошмаром – и одновременно надеждой умеренных политических деятелей и исследователей.

³ «Взяв „всю власть“, Советы скоро убедятся, что у них очень немного власти. И они должны будут восполнить недостаток власти испытанными в истории младотурецкими или якобинскими приемами... Захотят ли они... скатиться вниз до якобинства и террора...?», – писал П. Н. Милюков. Отвечая ему, В. И. Ленин писал: «Историк прав... *Либо* наступление, поворот к контрреволюции... *Либо* – „якобинство“. Историки буржуазии видят в якобинстве падение („скатиться вниз“). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог» (*Ленин В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 32. С. 374. Далее – ПСС*).

Термидор стал важным уроком для революционеров будущего, которые, естественно, стремились не допустить повторения трагедии радикалов. Большевики всегда были озабочены тем, чтобы избежать судьбы якобинцев.

Отсюда их готовность к «самотермидоризации» в виде новой экономической политики (нэпа).

Объявленный весной 1921 года нэп отменил радикальные экономические и политические институты периода «военного коммунизма», что рассматривалось тогда как уступка мелкобуржуазному крестьянству. Характерно, что В. И. Ленин прямо назвал эти решения «самотермидоризацией» большевиков⁴. Впрочем, это не спасло жизнь многих лидеров радикальной фазы революции, которые позднее стали жертвами сталинского режима.

Отсюда же очень болезненная реакция сталинского руководства компартии на предсказания термидорианского перерождения режима (об этом писали Н. В. Устрялов «справа» и Л. Д. Троцкий «слева»⁵).

13. Отказ от этических оценок революции

Революцию не следует ни возводить на пьедестал, ни проклинать. Это определенный механизм снятия накопившихся в обществе противоречий. Нужен объективный анализ революционных трансформаций, а не эмоциональные оценки прошлого и настоящего.

14.

Опыт революций прошлого выступает важным фактором понимания посткоммунистической трансформации России, которое, в свою очередь, становится источником развития общих представлений о революциях.

⁴ Ленин В. И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. 1970. С. 403.

⁵ См.: Устрялов Н. В. Под знаком революции. Харбин, 1925; Троцкий Л. О термидорианстве и бонапартизме // Бюллетень оппозиции. 1930. № 17–18; Троцкий Л. Рабочее государство, термидор и бонапартизм // Бюллетень оппозиции. 1935. № 43.

Раздел I

Экономика и революция: уроки истории

Глава 1

Понятие революции

ОПРЕДЕЛЕНИЕ революции не может быть абсолютным. Существует множество различных вариантов трансформации общества из одного состояния в качественно иное. Смена качественных характеристик нередко обуславливает использование термина «революционный». Однако все эти революции являются таковыми лишь по своему результату – они предполагают смену качественного состояния системы (в данном случае общества). Такое широкое понимание мало чем поможет осмыслить те или иные события, претендующие на звание «революционных». Очевидно, что, помимо глубины преобразований, важен еще и механизм их осуществления.

Здесь мы подходим к очень важному моменту. Традиционно революции трактовались как насильственные смены режимов, связанные с возникновением новой элиты и наличием новой идеологии. Опыт посткоммунистической трансформации требует пересмотра этой дефиниции. Да, революция представляет собой радикальную, системную трансформацию данного общества. Однако роль насилия, изменения элиты и идеологии не должны абсолютизироваться. Гораздо более важной характеристикой полномасштабной революционной трансформации является то, что она осуществляется в условиях резкого ослабления государственной власти. Политическое проявление этого кризиса – острый конфликт элит (и вообще основных групп интересов), отсутствие между ними консенсуса по базовым ценностям, по ключевым вопросам направления дальнейшего развития страны. Для экономистов же слабость власти проявляется прежде всего в финансовом кризисе государства, в его неспособности собирать налоги и балансировать свои расходы со своими доходами.

Слабость государственной власти обуславливает стихийный характер протекания экономических и социальных процессов, что в свою очередь делает великие революции удивительно похожими друг на друга как по фазам развертывания экономического и политического кризиса, так и по базовым характеристикам. Общественное развитие вдруг оказывается результатом не чьих-то целенаправленных воздействий (иногда более, а иногда менее эффективных, но все же осмысленных), а результатом равнодействующей многих групп интересов, «тянущих» страну в разных направлениях. Отсюда возникает стихийность. Но отсюда появляются и закономерности, делающие великие (полномасштабные) революции столь похожими друг на друга.

Именно стихийность, а не насилие является конституирующим признаком революции. Насилие, несомненно, также имеет место. Острый конфликт основных групп интересов, невозможность найти общий язык по фундаментальным вопросам жизни страны делают практически неизбежным использование силы для навязывания определенной системы ценностей, относительно которой оказывается невозможно договориться при помощи обычных (легитимных на данном уровне развития страны) процедур. Однако уровень насилия не поддается внятной оценке, тем более количественной. Сколько нужно насилия, чтобы данная трансформация была признана революционной? Кто это способен оценить? Вряд ли можно согласиться с тем, что более великими считаются более кровавые революции. Эти основания становятся еще более зыбкими, когда мы переходим от аграрных стран к анализу революционных событий в урбанистических обществах. По мере роста общего уровня социально-экономического

развития (а вместе с ним образования, культуры, материального благосостояния) роль насилия в принципе снижается, потому что населению теперь уже «есть что терять».

Смена элиты в ходе революции, несомненно, происходит. Однако ее не следует смешивать с немедленным физическим (на эшафот, в эмиграцию или в отставку) устранением представителей элиты старого режима. Здесь надо учитывать два обстоятельства. Прежде всего, радикальность обновления элиты, как правило, сильно преувеличивается историками революций⁶. При обращении же к высказываниям современников этих событий почти всегда сталкиваешься с жалобами на сохранение у власти многих представителей старой элиты. Причем подобные жалобы характерны даже для таких, казалось бы, радикальных потрясений, как Великая французская революция. Лишь по прошествии времени ситуация меняется, появляется действительно новая элита, не связанная со старым режимом.

Более важен другой аспект данной проблемы. Смена элиты не должна в принципе отождествляться с представляющими ее физическими лицами. Новая элита – это готовность людей действовать в новых обстоятельствах, играть по новым правилам, в новой логике. К этому могут приспособиться как выходцы из старой элиты, так и новые лица. Вряд ли оттого, что епископ Оттенский был представителем старой элиты, Талейран не является ярчайшим представителем именно нового режима. Равно и присутствие В. Черномырдина в высших слоях советской номенклатуры (министр и член ЦК КПСС) не может приуменьшить его роль в становлении новейшего российского капитализма. Роль, которую он сыграл и как создатель и вдохновитель Газпрома, и как премьер-министр. Словом, роли важнее происхождения.

Аналогичные рассуждения применимы и к вопросам трансформации собственности. Аргументы смены собственника, несомненно, важны, но их не следует абсолютизировать. Гораздо важнее не физическая смена собственника, а смена формы собственности. Важный пример дает в этом отношении Английская революция середины XVII столетия. Большинство исследователей считают ее непоследовательной, половинчатой, поскольку в ее ходе не происходило радикальных перемен собственности, а аристократия в значительной массе была сохранена. Особое удивление вызывает готовность лидеров революции конфисковать у роялистов земельные владения и далее перепродать их старым же владельцам. Однако здесь важно другое: после перепродажи это была уже другая собственность, частная, освобожденная от старинных феодальных обязательств, составляющая основу для будущего капиталистического общества и обеспечивающая необходимую социальную базу для будущего экономического роста. Аналогично развивалась ситуация и в посткоммунистической России, где после начального этапа приватизации значительная часть собственности оказалась под контролем директоров этих же предприятий, а затем постепенно переходила в другие руки.

Не следует преувеличивать и роль возникновения новой идеологии. Революция, несомненно, связана с идеологией, однако связь эта более сложная, чем обычно принято думать. Революция не навязывает обществу новую идеологию. Напротив, революция происходит тогда, когда общество (и прежде всего его элита) оказывается захвачено новой идеологией, новыми представлениями о «правильном» общественном устройстве.

Просвещение, идеология «естественного порядка» и «духа законов» сформировали основу французской революции и общую базу деятельности практически всех революционных и постреволюционных правительств. Для рубежа XIX–XX веков были характерны кризис системы рыночной демократии и утверждение в мире идеологии индустриализма, монополизма и этатизма, и большевики не могут обладать монопольными правами на построенную в СССР экономико-политическую модель (другое дело – количество жертв, которые они заставили принести страну для воплощения этой модели). Посткоммунистические преобразования

⁶ На это обращал внимание и Дж. Голдстоун. См.: *Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkley, CA: University of California Press, 1991. P. 296.

в полной мере вписываются в победившую в цивилизованном мире к началу 1980-х годов систему экономико-политических воззрений и ценностей, основанную на либерализме и индивидуализме, символом которой стал знаменитый тезис Ф. Фукуямы о «конце истории»⁷. Словом, доминирующая идеология эпохи задает общие рамки революции вообще и ее экономической политики в частности.

Таким образом, революцию можно определить как системную трансформацию общества в условиях слабого государства. Точнее, это определенный механизм социальной трансформации, механизм прохождения через системный общественный кризис и адаптации к новым вызовам своей эпохи.

Возможны и другие механизмы адаптации страны к новым вызовам, среди которых постепенные реформы, осуществляемые старым режимом, завоевание иностранным государством и, наконец, «революции сверху». Однако общей чертой всех этих механизмов трансформации, отличающей их от революции, является наличие сильной власти (национальной или оккупационной), обеспечивающей контроль за характером и ходом реформ. Здесь нет места хаотической борьбе примерно равных сил с неясным политическим исходом. Борьбе, делающей всю общественную жизнь в высшей степени неопределенной – как в краткосрочной перспективе, так и в плане стратегическом.

Эта неопределенность, обусловленная политической борьбой, в значительной мере предопределяет облик революционного общества, включая экономические механизмы революционной трансформации.

⁷ См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L.: Penguin Books, 1992.*

Глава 2

Революция и государственная власть

РЕВОЛЮЦИЯ как определенный способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется набором признаков, среди которых главными являются следующие.

Во-первых, системный характер преобразований, их глубина и радикальность. Революционная трансформация всегда предполагает глубокие изменения в отношении собственности, не говоря уже о серьезном обновлении социально-политической структуры общества. Однако не всякие системные изменения, имевшие место в истории отдельных стран, могут рассматриваться как революции. Сильное правительство может осуществлять глубокие, радикальные преобразования, имеющие в перспективе несомненно революционные последствия, но остающиеся по сути своей реформой (иногда их называют «революциями сверху»). Примерами здесь могут служить революция Мэйдзи в Японии, реформы Бисмарка в Германии, а из более приближенных к нашему времени – посткоммунистические трансформации в странах Центральной и Восточной Европы. Радикальные, системные изменения могут происходить и в результате поражений в войнах и иностранной оккупации (как это было, скажем, в Пруссии после Наполеоновских войн или в Японии и Германии после Второй мировой войны).

Впрочем, глубину преобразований, происходящих в ходе революции, не следует и переоценивать. Приносимые революцией изменения представляются радикальными обычно лишь потомкам. Тогда как общество, выходящее из революционных катаклизмов, воспринимается большинством современников скорее как пародия на старый режим, нежели как принципиально новое слово в развитии данной страны. Некоторые исследователи подчеркивают, что революция решает задачи, которые были бы решены и без нее, но делает это с гораздо большими издержками⁸. Иногда в качестве критерия революционности рассматривается радикальность смены элит. Но при детальном рассмотрении революций прошлого выясняется, что представления о радикальности этого процесса были сильно преувеличены в общественном сознании потомков.

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена внутренними кризисными процессами в той или иной стране. Она не может быть навязана извне. Это предопределяет политическую и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). Именно поэтому национально-освободительные движения, как правило, не являются революциями, в них всегда имеется идейно-политический стержень, служащий важнейшим фактором объединения разрозненных сил нации. Хотя сказанное не отменяет того факта, что задачи национального освобождения могут также решаться в рамках революций.

В-третьих, слабое государство. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной консолидировать осуществление системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет резкое усиление в революционном обществе стихийности осуществления социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации – с другой.

Последний фактор критически важен. На самом деле именно кризис и следующий за ним распад государственной власти делают практически неизбежной трансформацию общества по революционному (а не реформаторскому) типу. Радикализм революционной трансформации

⁸ Одним из первых это проанализировал Алексис де Токвиль. (См.: *Токвиль де А.* Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.) Более подробно эти вопросы рассмотрены в: *Хиршман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается не способна контролировать и направлять развитие событий⁹. Можно выделить две основные причины резкого ослабления государства накануне и в ходе революции.

Одна из них – глубокий финансовый кризис. Он возникает, когда власть по тем или иным причинам лишается традиционных источников поступлений в бюджет и (или) происходит резкое увеличение расходов бюджета. Первое может быть связано с изменениями социального характера, доходы начинают концентрироваться в новых секторах экономики, и налоговая система оказывается не способна адаптироваться к меняющимся условиям. Второе происходит при усилении внешних и внутренних факторов давления на существующий режим, при значительном увеличении расходов, являющихся в данную эпоху необходимыми атрибутами сильного государства. (Скажем, таким фактором выступает резкое возрастание военных расходов в форме или «удорожания войны», характерного для Европы XVII столетия, или качественно нового витка гонки вооружений в 1970-1980-х годах.)

Однако ослабляющий государство финансовый кризис еще не делает революцию неизбежной. Если власть оказывается способной с ним справиться, то дело, как правило, ограничивается реформами той или иной масштабности и глубины.

Другой причиной ослабления государства является фрагментация социальной структуры предреволюционного общества, в результате чего власть оказывается неспособной формировать и поддерживать устойчивые коалиции социальных сил в поддержку своего курса, и прежде всего курса, нацеленного на преодоление финансового кризиса (причем в данном случае неважно, курса реформистского или реакционного). Под воздействием новых экономических процессов (будь то начало экономического роста и первые шаги индустриализации либо резкое увеличение доступных финансовых ресурсов в силу внешнеэкономических факторов) в предреволюционных обществах происходит заметное усложнение социальной структуры, когда возникает размежевание внутри традиционных классов и групп интересов, и на традиционную структуру общества накладываются новые социальные явления и процессы.

Исторический анализ показывает, что превращение общества в «лоскутное одеяло» характерно для предреволюционной ситуации в любой стране. Государственная власть теряет ориентиры и опорные точки своей политики. То, что еще недавно приводило к укреплению режима, теперь ослабляет его. Любая попытка реформ и преобразований еще более усиливает недовольство большей части общества существующим режимом, поскольку в условиях фрагментации коалиция «против» обычно оказывается сильнее коалиции «за». Постепенно, но неуклонно разрушается консенсус относительно базовых ценностей и принципов развития данной страны. Теряя социальную опору, власть начинает метаться, еще более подрывая свой авторитет.

Словом, ослабление власти связано с отсутствием консенсуса по базовым ценностям, целям функционирования данного общества. Отсутствие консенсуса как раз и означает, что общество распадается на множество противоборствующих и одновременно пересекающихся группировок (социальных, территориальных, этнических), каждая со своими политическими и экономическими интересами, причем никакое правительство не способно предложить политический курс, который обеспечивал бы консолидацию и, соответственно, поддержку сколь-нибудь значимого большинства.

Слабость государства проявляется в ряде характеристик, типичных для любых революций, в какую бы эпоху они не совершались. Среди наиболее универсальных проявлений слабости государственной власти можно выделить следующие:

⁹ К любой великой революции применима данная Франсуа Фюре характеристика Франции конца XVIII столетия: «В действительности революционный поток 1789–1794 гг. хотя и регулировался сменявшими друг друга у власти группами, на самом деле никогда не находился под контролем, поскольку состоял из противоположных интересов и представлений» (Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 132).

– постоянные колебания экономического курса. Революционная власть находится под давлением с различных сторон, и, чтобы выжить, ей нужно беспрестанно маневрировать между разными силами и группами интересов;

– возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. «Двоевластие» – термин, вошедший в отечественную политическую лексику на фоне опыта Февральской революции 1917 года, на самом деле является характерной чертой любой великой революции. Центров власти может быть и несколько. Предельным, хотя и не единственным, типом конкуренции центров власти считается гражданская война;

– отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать. В результате функции политических посредников могут выполнять разнообразные стихийно возникающие организации и институты;

– соответственно, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся правил игры. Процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Принятые решения далеко не всегда исполняются, а даже когда исполняются, трактуются весьма субъективно. Высказывание Робеспьера о том, что конституцией революции является соотношение социальных сил, оказывается актуальным в любых революционных катаклизмах.

Как показал еще в 1930-х годах Крейн Бринтон, основываясь на опыте Великой французской революции и российской революции 1917 года, революционный процесс проходит через ряд фаз, общих для всех великих революций. С учетом накопленного к настоящему времени опыта можно говорить о наличии четырех фаз революции¹⁰.

Первая – это «розовый период», когда тотальное неприятие старого режима приводит к единству самых разнородных сил, свергающих старый режим. Это период великих иллюзий и ожидания близкого всеобщего счастья. Первое революционное правительство видит всеобщую поддержку и потому верит в свои исключительные возможности, в наличие у него потенциала решить многовековые проблемы, неподвластные антинародному режиму прошлого. Это приводит к ряду политических недоразумений и тяжелых экономических ошибок.

Вскоре выясняется, что единство заключалось только в отрицании старого, тогда как новая повестка видится разным социальным силам по-разному. Начинается вторая фаза – поляризация и нарастание системного кризиса, прежде всего политического и экономического. Социальная база режима быстро размывается, правительство пытается удержаться посередине и от этого все быстрее теряет поддержку.

На третьей фазе коллапс ранней революционной власти приводит к власти радикальную партию, которая уничтожает остатки старых политических и хозяйственных институтов. Революция проходит «точку невозврата».

Однако власть радикалов не может держаться долго. По мере укрепления завоеваний революции ослабевают и основы радикальной власти. Она выполнила свою работу и постепенно теряет социальную поддержку. Приходит время четвертой фазы, которую на основе французского опыта принято называть термидорианской. К власти приходит странная коалиция умеренных от старого режима и умеренных из радикалов, при которых происходит постепенная консолидация власти и постреволюционный режим обретает устойчивые черты. Наличие общих черт революции в значительной мере объясняется стихийным, никем не контролируемым характером ее развертывания. Это же становится причиной и общих экономических черт, присущих великим революциям.

¹⁰ Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Vintage Books, 1965.

Глава 3

Революционный экономический кризис: общая формула и национальная специфика

СЛАБОСТЬ государственной власти оказывает непосредственное и разнообразное влияние на состояние экономики революционной страны. В общем виде это становится причиной возникновения и развития «революционного экономического кризиса» – устойчивого кризисного состояния экономики, сохраняющегося на протяжении примерно пятнадцати лет и являющегося естественным следствием продолжительного политического кризиса (кризиса власти). Это кризис, сопровождающий глубокую трансформацию общественной системы и находящийся с этой трансформацией в органической двусторонней взаимосвязи. С одной стороны, логика развития революции, как правило, подталкивает к принятию неэффективных экономических решений, обусловленных в конечном счете самим фактом слабости государственной власти. Множественность социальных группировок, противоположность их политических и экономических интересов, их возможность непосредственно влиять на власть лишь усиливают неустойчивость проводимого курса, становящуюся самостоятельным фактором экономического кризиса. С другой стороны, сам экономический кризис выступает естественным механизмом постоянного воспроизводства кризиса политического. Ни одно правительство не оказывается способным сформировать опирающийся на консенсус экономико-политический курс и соответственно обеспечить консолидацию большинства общественных сил страны. Это не может не дискредитировать власть в глазах общественного мнения и быстро приводит к тому, что она лишается поддержки (моральной и политической). Выход из революционного экономического кризиса оказывается особой и весьма сложной политической проблемой.

Наконец, существует еще одна особенность, способствующая ослаблению власти и усилению экономического кризиса, сопровождающего революции. Это ошибки раннего революционного правительства – того самого, которое приходит к власти на волне всеобщего единства и энтузиазма. Новая власть видит широчайшую народную поддержку и поэтому искренне верит в наличие у нее огромных возможностей, недоступных «старому режиму». Питаясь этими иллюзиями, раннее революционное правительство, как правило, совершает крупные экономические ошибки – принимает меры, мало соотносящиеся с человеческой природой, экономической логикой и здравым смыслом. Ошибки, которые имеют фатальный характер для судьбы этого правительства и во многом определяют дальнейший ход революции.

3.1. Фазы экономического кризиса революции

Анализ экономической практики великих революций прошлого позволяет сформулировать своего рода общую модель революционного экономического цикла. Как всякое обобщение, эта модель несет в себе, несомненно, некоторое упрощение реального развития событий, оказывается беднее реальной жизни. Однако при всей условности, она позволяет более четко сформулировать наиболее важные характеристики и закономерности экономических процессов революции, которые при ином подходе будут скрыты за множеством частных, специфических черт и деталей.

В экономическом цикле революций можно выделить следующие фазы.

Предварительная фаза – движение к революции. Для нее характерен достаточно быстрый экономический рост (на протяжении 30–50 лет), отличительной чертой которого является

существенная неравномерность изменения экономического положения сложившихся социально-политических классов и групп. Этот рост дестабилизирует баланс социально-политических сил и делает ситуацию исключительно уязвимой к разного рода негативным внешним воздействиям – экономическим и политическим кризисам, реформам, войнам.

Первая фаза – резкое ухудшение ситуации и начало революции. Приход к власти правительства умеренных. Наиболее яркими характеристиками этой фазы являются финансовый кризис той или иной степени остроты, а также ухудшение материального положения значительных слоев населения. Последнее возможно по разным причинам – из-за плохих урожаев и угрозы голода, дезорганизации хозяйственной жизни в условиях военного времени и т. п. В ряде случаев может идти речь и о начале спада производства в отдельных отраслях национальной экономики (аграрных применительно к ранним революциям и промышленных для революций XX века).

Вторая фаза – некоторое улучшение экономической ситуации. Социальная стабилизация, связанная с политическим (надежды на популярное правительство) и экономическим факторами. Улучшается как финансовая ситуация, так и производственная динамика. Временные позитивные хозяйственные сдвиги на ранней стадии функционирования правительства умеренных характерны практически для всех революций. Исключение составляет только Россия 1917 года, уже третий год участвовавшая в мировой войне.

Третья фаза – резкое усиление кризиса и связанное с этим обострение социально-политической борьбы. Почти полная потеря контроля за экономическими и финансовыми процессами. Сжимается производство, продолжается падение уровня жизни, угроза голода и холода (применительно к северным странам и регионам) становится как никогда реальной. Практически всегда это связано с радикализацией политического режима.

Четвертая фаза – продолжающееся ухудшение экономической ситуации в условиях радикального политического режима. Спад производства достигает своей нижней точки, инфляция сохраняется на высоком уровне. Однако эта стадия имеет ряд важных особенностей.

Во-первых, в ряде случаев приход радикалов к власти может вызвать улучшение ситуации в отдельных сферах хозяйственной жизни. Жесткий мобилизационный режим способен на непродолжительное время обеспечить стабилизацию, скажем, в финансовой области или в некоторых секторах производства, организовать и поддерживать чрезвычайный режим снабжения населения базовыми продуктами питания. Словом, решать отдельные экономические проблемы, что позволяет говорить о кратковременном повышательном тренде, за которым следует возобновление полномасштабного кризиса.

Во-вторых, ухудшение экономической ситуации в условиях радикального режима не носит обвального характера. Глубина хозяйственного спада уже приближается к своему максимуму, а решительность и активность правительства позволяет если не смягчать, то по крайней мере тормозить усиление негативных трендов. Однако кризис развивается, и именно на его фоне происходит падение радикального режима.

Пятая фаза – новый виток экономического кризиса после падения радикального режима. Чаще всего на этой стадии происходит резкое ухудшение условий жизни значительной части населения (вплоть до массового голода), а также обострение кризиса государственных доходов, переходящее в затяжной бюджетный кризис.

Шестая фаза – постепенная стабилизация и выход на плавную, эволюционную траекторию экономического развития. Разумеется, здесь далеко не все происходит гладко. Благополучие значительных слоев населения еще долго остается на весьма низком уровне, бюджетный кризис становится долгосрочным фактором функционирования хозяйственной системы. Однако стабилизируется денежная ситуация, происходит постепенное оздоровление финансов, начинает расти производство. Хотя выход на дореволюционный уровень хозяйственного развития происходит по прошествии длительного времени и не по всем параметрам одновременно.

Анализ будет неполным и неточным, если оставить без внимания существующие в мировой экономической истории (и особенно в истории XX века) примеры длительного функционирования экономики в условиях кризиса, во многом аналогичного революционному, но разворачивающемуся в других экономико-политических обстоятельствах. Развитие кризиса аналогичного типа происходит в условиях слабого государства, в котором отсутствует устраивающий ключевые социально-экономические группы (прежде всего элиту) механизм выработки взаимоприемлемых решений, а политическая власть оказывается неспособной добиваться последовательной реализации своих целей. Здесь возможны по крайней мере два варианта развития событий, которые кратко будут охарактеризованы ниже.

Один – попадание страны в состояние перманентного экономического кризиса (то есть валютно-финансовой нестабильности, бюджетного кризиса, стагнации или спада производства) в результате предпринимаемых усилий проведения масштабных социально-экономических преобразований. По опыту последних ста лет нетрудно заметить, что подобное развитие событий, если исключить случаи войн и длительных вооруженных противостояний (например, ближневосточного), как правило, связано с глубокими политическими изменениями, сопровождаемыми попытками решительного и быстрого преодоления стоящих перед страной социально-экономических проблем. То есть в ситуациях, близких к революционным или на самом деле являющихся «революциями сверху». Именно таков характер наиболее значительных политических преобразований в Латинской Америке – например, в Бразилии (революция 1930 года и правление Жетулио Варгаса), в Аргентине (в результате переворота-революции 1930 года и позднее при правлении Хуана Перона, 1946–1955), в Чили (победа Народного фронта в 1971 году). Во всех этих случаях новые правительства, приходя к власти на волне глубокого экономического и политического кризиса, оказывались перед необходимостью не просто проведения реформ, но быстрой демонстрации их положительных результатов¹¹.

Начинающиеся здесь преобразования являются достаточно глубокими, чтобы претендовать на эпитет «революционные», причем их популистский характер и логика их реализации также оказываются весьма близкими к деятельности «раннего революционного правительства». Схожи и последствия – на первом этапе преобразования дают позитивные социально-экономические эффекты (растут зарплата и занятость, хотя и исчерпываются золотовалютные ресурсы), однако через непродолжительный период позитивные тренды сменяются острым экономическим кризисом¹². В дальнейшем события развиваются по двум возможным сценариям.

Или побеждает контрреволюция (во всяком случае, режим, являющийся «контрреволюционным» по отношению к революционерам предыдущего, популистского правительства), которая восстанавливает политический порядок, ужесточает механизм осуществления политической власти и на этой основе проводит более осторожные реформы, которые действительно

¹¹ Последнее происходит вследствие или недостаточной легитимности режима, или его недостаточной политической устойчивости. Примером первого может служить Бразилия, второго – Чили.

¹² См.: The Macroeconomics of Populism in Latin America / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1991. P. 11–12.

назрели и которые по-своему, в другой политической и идеологической системе координат, пытались решить свергнутое правительство. Таков сценарий событий в Чили. И, собственно говоря, в своих существенных моментах он мало чем отличается от оборванных революций типа германской 1848 года или российской 1905 года.

Или первоначально возникший режим вырождается в военную диктатуру, отбрасывает задачи реформирования системы, сам останавливает или сворачивает реформы и в дальнейшем функционировании ориентируется лишь на свое политическое (и физическое) выживание. Нерешенность задач, вызвавших первоначальный переворот, неготовность властей решать эти задачи делают состояния кризиса перманентным, а жесткость политического режима или (и) поддержка его извне (например, по геополитическим соображениям) обуславливают длительное его существование, несмотря на остроту возникающих проблем. Последний вариант мало чем отличается и от предельного случая длительного сохранения в стране неэффективного диктаторского режима, достаточно сильного для того, чтобы не допускать серьезных экономико-политических изменений, но достаточно слабого для осуществления более или менее последовательных шагов по выходу экономики из кризиса¹³. Понятно, что все это уже не имеет никакого отношения к экономическому кризису (и циклу) революций.

Последние соображения побуждают нас сделать еще один вывод общего характера: рассмотренные характеристики и тенденции «революционного экономического цикла» не являются критериальными чертами революции. Существование подобных трендов в других обстоятельствах и исторических эпохах никак не может свидетельствовать в пользу вывода о наличии или вызревании революционных процессов. Справедливо обратное – глубокие, революционные изменения, если они происходят в данной стране, сопровождаются в общем схожими экономическими трендами.

3.2. Основные элементы экономического кризиса революции: общее и особенное

Исторический опыт позволяет выделить ряд общих черт, характерных для революционного экономического кризиса. Практически все возникающие здесь проблемы в полной мере проявились уже в периоды английской революции середины XVII века и французской конца XVIII века. В последующем в разных странах и при разных обстоятельствах (в России, Мексике, Китае, Иране и т. п.) закономерности революционных экономик продемонстрировали устойчивость принципиальных черт.

Рост транзакционных издержек. В основе экономических проблем, характерных для революции, находится политический кризис и вызываемый им рост транзакционных издержек. Можно выделить ряд факторов, снижающих стимулы предпринимательской деятельности и ограничивающих возможности экономических агентов оценивать перспективы принимаемых ими решений. Во-первых, это связано с неясностью перспектив нового экономического и политического порядка, что становится особенно заметным при перераспределении собственности, когда новые собственники не могут оценить надежность сделанных ими приобретений. Во-вторых, уже в начале революции происходит слом институциональной структуры общества, то есть правил игры, по которым привыкли действовать экономические агенты (особенно это

¹³ Развитие событий в таких случаях детерминируется соотношением сил групп интересов и их возможностью влиять на правительство. В современной литературе по политической экономии эта ситуация характеризуется как проблема «слабого диктатора». В соответствующих работах подробно анализируются механизмы, на протяжении длительного времени препятствующие решению задач макроэкономической стабилизации и достижения социально-экономической устойчивости в той или иной стране (см. подробнее: Alesina A. Political Models of Macroeconomic Policy and Fiscal Reform. Washington D. C.: The World Bank, 1992).

касается коренной трансформации отношений собственности). Наконец, в-третьих, неспособность слабого государства обеспечить исполнение законов и контрактов приводит к тому, что предприниматели должны идти на дополнительные затраты для подтверждения надежности сделок. Все эти проблемы обостряются во время гражданских войн, сопровождавших все великие революции прошлого. В результате предприятия «склонны избирать краткосрочную стратегию», а «самыми выгодными занятиями становятся торговля, перераспределение или операции на черном рынке»¹⁴. Причем торгово-посредническая деятельность хотя и оказывается несравненно эффективнее производственной, все равно несет значительный ущерб от нестабильности правил игры.

Рост транзакционных издержек стал важнейшим фактором ухудшения экономической ситуации уже в годы английской революции, когда революционные процессы протекали относительно сглаженно, а надежность прав собственности обеспечивалась в большей мере, чем в последующих революциях. Еще сильнее проблема транзакционных издержек влияла на развитие событий во всех последующих революциях.

Бюджетный кризис революции. Центральным пунктом революционного экономического кризиса является бюджетный кризис, который остается актуальным на протяжении всего периода революции. В условиях революции финансовый кризис выступает прежде всего как кризис государственного бюджета, то есть как неспособность государства финансировать свои расходы традиционными и легитимными способами. Практически все революции начинались с кризиса государственных финансов, который в дальнейшем практически неизбежно приводил к разрушению финансовой системы страны. Финансовый кризис выступал важнейшим фактором падения «старого режима», а также в значительной мере предопределял политические конфликты и последовательное падение правительств по ходу развития революции.

Исторический опыт свидетельствует о существовании двух возможных вариантов возникновения и развития финансового кризиса революции.

Один связан с резким возрастанием финансовых потребностей существующей власти и ограничением источников финансирования госрасходов. Типичный пример такого рода развития событий дает Англия начала 1640-х годов, когда обострение внутренних конфликтов потребовало существенного возрастания государственных доходов, что оказалось невозможным в сложившихся политических обстоятельствах (имеется в виду претензия короны на беспарламентное правление и особенно произвольное введение налогов). Финансовый кризис, как поначалу представляется, имеет краткосрочный характер, однако возможности решения его оказываются ограниченными из-за ограниченности авторитета (легитимности) политического режима. Для решения финансовых проблем правительство ищет новые формы легитимации, пытается опереться на дополнительные источники властного авторитета, что только приводит к размыванию власти, возникновению и упрочению конкурирующих друг с другом центров власти. Полицентризм власти способствует усугублению экономических проблем и началу длительного финансового и экономического кризиса.

Другой вариант связан с постепенным вращением «старого режима» в финансовый кризис, который уже до начала революции приобретает устойчивый, затяжной характер. Кризис, связанный с неэффективностью существующей политической и хозяйственной системы, приводит к кризису власти, которая, как и в первом случае, пытается найти и задействовать новые источники легитимности, но они оказываются самостоятельными и конкурирующими центрами власти. Далее события развиваются по первому сценарию. Типичным примером подобной динамики является революционная Франция конца XVIII столетия.

¹⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 92.

Финансовый кризис как кризис государственных доходов приводит к резкому и еще большему ослаблению политической власти. Причем не только «старого режима», но и возникающих новых революционных правительств – от умеренных до радикальных (последовательно сменяющих друг друга на протяжении революции). Революционное правительство – это всегда правительство бедное, для которого поиск денег для своего существования играет первостепенную роль.

Потеря финансовой базы связана, как правило, с двумя факторами. С одной стороны, с резким сужением возможностей государства собирать налоги. Кризис власти, ее делегитимизация рано или поздно (обычно довольно быстро) подрывает способность правительства собирать налоги. «Отказ платить налоги является устойчивой характеристикой революционного периода»¹⁵. Такое развитие событий может получить идеологическое и даже «научное освящение» – например, декларация об отмене налогов в 1789 году во Франции опиралась на учение физиократов (земля как единственный источник богатства)¹⁶, а разрушение государственных финансов России 1918–1920 годов интерпретировалось как результат естественного процесса «отмирания денег». Однако какими бы ни были декларируемые мотивы, существо самого факта остается постоянным и сводится к принципиальной неспособности революционной власти получить от населения деньги¹⁷. И тем более деньги в количестве, достаточном для ее (власти) укрепления.

С другой стороны, революционные потрясения неизбежно ведут к значительным структурным сдвигам в экономике. Происходят изменения в структуре спроса, за этим следуют изменения в занятости. Все это сказывается на общей экономической ситуации в стране, причем в краткосрочном плане влияние это является негативным, поскольку в этих условиях разрушаются традиционные источники доходов государства. Старых источников доходов уже нет, новые еще не возникли. Еще более ослабевает власть, еще более обостряется социально-политическая борьба.

Находясь в условиях жестокого кризиса, революционная власть в первую очередь озабочена проблемами своего выживания (а для многих деятелей революции речь идет о выживании в буквальном, физическом смысле слова) и при благоприятном развитии событий упрочения. Отсутствие сложившихся механизмов и рычагов управления, сколько-нибудь устойчивой политической структуры и сложившейся системы органов власти по вертикали обуславливает необходимость постоянно изыскивать нетрадиционные способы упрочения своего положения, источники средств для победы над внутренними и внешними врагами.

¹⁵ Aftalion F. *The French Revolution: An Economic Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 51.

¹⁶ Широкое признание существовавшей предельно несправедливой налоговой системы обернулось уже в первые месяцы Великой французской революции потерей контроля со стороны центрального правительства за поступлением налогов в казну. В этой ситуации властям ничего не оставалось, как официально закрепить ликвидацию налогов в качестве инструмента «старого режима». Хотя такое решение соответствовало теоретическим взглядам воспитанных на идеях физиократов вождей Национального собрания, по существу шаг этот был вынужденным и в полной мере отражал слабость режима. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что власти среди прочих налогов были вынуждены отказаться от попыток собрать единственный признаваемый физиократами справедливый налог – земельный.

¹⁷ Известно, что в бюджетах революционных правительств упомянутых великих революций налоговые поступления составляли мизерную долю, колеблясь от 2 до 15 % общей суммы доходов. (См.: Далли С. А. *Инфляция в эпохи социальных революций*. М.: Наука, 1983. С. 56; Harris S. E. *The Assignats*. Cambridge, Mass.: Harvard University press, 1930. P. 51.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.